

ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны происходили массовые миграции беженцев из прифронтовых районов вглубь России, что оказало существенное влияние на изменение этнического состава Москвы. В городе резко возросла доля этнических групп, ранее преобладавших в западных губерниях империи, что было нехарактерно для предвоенного периода. Однако недостаток сведений в изданной статистике усложняет для исследователей анализ влияния мигрантов военного времени на соотношение таких наиболее многочисленных этнических групп Москвы как: русские, евреи, немцы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, белорусы, украинцы, татары, армяне. Также определенную сложность представляет недоучет всех военных мигрантов, так как значительная их часть не регистрировалась в качестве беженцев, не попадая в статистику. Ввод в научный оборот ведомостей о числе жителей Москвы по вероисповеданиям за 1908–1916 гг., позволяет частично восполнить такой пробел и оценить динамику этнического состава населения города. Кроме того, сделана попытка выяснить общую численность всех военных мигрантов, находившихся в Москве перед февральской революцией 1917 г., а также выделить беженцев-белорусов из общей численности православных и католиков. Предложенный метод сопоставления конфессиональной и этнической принадлежности не дает точного совпадения, однако с учетом привлечения дополнительных источников, позволяет выявить тенденции в изменениях этнического состава населения города, а также проанализировать факторы, повлиявшие на динамику численности отдельных групп этнических меньшинств.

Ключевые слова: этнический состав; Москва; Первая мировая война; беженцы; миграции

Ссылка при цитировании: Григорян Г.Ш. Изменения этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны // Вестник антропологии, 2021. № 3. С. 304–319.

В наши дни резкая трансформация этнического состава населения Москвы оказывает влияние как на характер межкультурного взаимодействия внутри городского социума, так и на его устойчивость. В свою очередь, формирование современного

Григорян Генрих Шамильевич – аспирант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9). Эл. почта genrih.1@mail.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-7287-3244>

населения столицы уходит корнями в прошлое. Такая постановка проблемы актуализирует изучение этнического состава Москвы в период Первой мировой войны, когда в результате массовых миграций, нехарактерных для мирного времени, в городе существенно возросла доля представителей западных губерний России.

Массовое движение беженцев в тыловые районы империи началось весной-летом 1915 г., после отступлений на фронте (Белова 2014: 104–105). Эвакуация населения во внутренние губернии России происходила, в том числе, через московский железнодорожный узел, что способствовало дополнительному оседанию беженцев в Москве (Бахурин 2014: 171). За период с 1915 г. по лето 1917 г. их численность по разным источникам составляла в городе от 128 до 170 тысяч человек (Москва 1916: 105; Известия №1 1916: 11; Известия №4 1916: 10; Известия №17 1917: 13; Известия №19 1917: 7; Курцев 2007: 130, 133). Однако, значительная часть мигрантов военного времени осевших в городах, не регистрировалась в качестве беженцев, что усложняет определение их количества и этнического состава по материалам изданной статистики (Волков 1930: 69–70; Гран 1923: 37).

В потоке вынужденных мигрантов перемещались представители различных этнических групп, часть из которых прибывала в Москву, формируя ее население, поэтому интерес для выбранной темы представляют в первую очередь работы, затрагивающие этнокультурный компонент в среде беженцев, оказавшихся во внутренних губерниях России. А.Н. Курцев в своих работах коснулся этнического состава беженцев, а также попробовал выявить соотношение великорусов, белорусов и украинцев в общей массе «русских» беженцев, учитывавшихся статистикой. Автор также сделал вывод о наличии особой беженской субкультуры в крупных городах тыловых губерний, формировавшейся в условиях ограниченности контактов с окружением, на основе культурно-этнической самоидентификации (Курцев 1999: 141; Курцев 2009: 331–335). Рассуждая о влиянии этнического фактора в беженской среде, П. Гатрелл проанализировал обстоятельства, которые стимулировали его рост (Гатрелл 2001: 65–67). И.Б. Белова приводит этнический состав беженцев, в Калужской, Орловской, Тульской губерниях (Белова 2014: 114–116). Исследуя особенности насильственного переселения вглубь России части немцев и евреев после начала войны, Э. Лор проанализировал причины этнической мобилизации в их диаспорах (Лор 2012: 184–185, 191–194). В.С. Утгоф на основе разных источников провела анализ профессионального и этнического состава белорусских беженцев. Кроме того, автор коснулась вопросов о самоопределении белорусов по этническому признаку, а также о росте их этнического самосознания в условиях земляческого обособления беженской среды (Утгоф 2003: 68–83, 150–167). М.И. Старовойтов попытался выделить белорусов из общей численности беженцев, покинувших белорусские губернии (Старовойтов 2017: 232–238). Т.Н. Лихачева привела общую численность поляков, эвакуированных вглубь России и зарегистрированных в качестве беженцев (Лихачева 2007: 124). Ю.А. Бахурин оценил численность евреев, принудительно выселенных из прифронтовых территорий, на фоне шпиономании, охватившей российское общество (Бахурин 2011: 50–55). Исследуя положение латышских беженцев, В. Шалда проанализировал их общую численность в России, а также в отдельных регионах и крупных городах (Шалда 2002: 63–64).

Необходимо также упомянуть о работах, касающихся численности населения Москвы в период Первой мировой войны. Советские ученые М.Я. Выдро и И.В. Дзасарова в своих исследованиях коснулись демографических показателей населения

Москвы во время войны (*Выдро* 1976: 20–21; *Дзарасова* 1980: 23–29). В подробной монографии И.Н. Гавриловой о демографии Москвы затронут вопрос о численности беженцев в Москве за 1915–1917 гг. Автор также проанализировала динамику численности и территориальное размещения ее населения в совокупности с работой промышленных предприятий и мобилизацией на фронт (*Гаврилова* 2001: 37–41, 105–107). С.Д. Морозов и Л.Ф. Писарькова в своих статьях упомянули о беженцах, прибывавших в Москву в контексте роста их численности в первые годы войны (*Морозов* 2014: 16; *Писарькова* 2019: 62–64).

Наибольшую ценность для изучаемой темы, представляют исследования авторов, посвященные отдельным группам этнических групп Москвы, в которых упоминается период Первой мировой войны. В. Деннингхауз оценил численность депортированных немцев из Москвы после начала войны, подробно описал негативную атмосферу, образовавшуюся вокруг них (*Деннингхауз* 2004: 373–399). О.В. Солопова произвела анализ этнического состава беженцев из белорусских губерний, обосновавшихся в Москве, а также проследила процесс осознания ими белорусский идентичности и отличия от русских, в условиях военного перемещения (*Солопова* 2005: 124–132). Т.М. Бартеле и В.А. Шалда указали на факторы, повлиявшие на увеличение численности беженцев-латышей в Москве, во взаимосвязи с развитием их культурной жизни (*Бартеле, Шалда* 2002: 57–59). С.Я. Козлов, упоминая о евреях Москвы в военное время привел их численность в 1917 году (*Козлов* 2007: 5).

Итак, с ростом интереса к проблеме беженцев Первой мировой войны в современной историографии наметилась тенденция к изучению этнических аспектов темы, что в большей степени выражается в рефлексии авторов по поводу самоидентификации массы военных мигрантов в условиях оторванности от родных мест. Параллельно исследуется этнический состав зарегистрированных беженцев, в котором, однако слабо учитывается тот значительный пласт перемещенных лиц, которые не регистрировались и не попадали в статистику. В то же время, в работах о населении Москвы, касающихся периода Первой мировой войны, речь идет о численности населения, демографических показателях, но не исследуется динамика его этнического состава в целом. Появляются исследования и об отдельных этнических группах Москвы, затрагивающие вопросы их численности во время Первой мировой войны в совокупности с миграциями беженцев. Таким образом, тема формирования этнического состава населения Москвы в период мировой войны и влияния на него массовых миграций беженцев, остается слабо изученной. Этому обстоятельству также способствует недостаток сведений об этнической принадлежности московского населения в изданной статистике.

Чтобы проследить динамику этнического состава населения Москвы в военный период, был проанализирован его конфессиональный состав по данным административного учета за 1908–1916 гг., которые вводятся в научный оборот. В качестве дополнительных источников использовались результаты переписи Москвы 1902 г. о родном языке и вероисповедании, а также сведения Татьянинского комитета о национальности беженцев Москвы в 1917 г. Безусловно, указанный метод не предполагает точного совпадения, однако позволяет выявить тенденции в соотношениях этнических групп Москвы в военные годы, а также оценить степень расхождения между численностью всех мигрантов и зарегистрированных беженцев.

По расчетам В.М. Кабузана в начале XX в. точность текущего административного учета в России возрастала, приближаясь в Центрально-промышленном районе к результатам переписей (Кабузан 1982: 110, 114). Однако, сопоставление конфессионального состава Москвы довоенного времени по административной статистике и по переписям 1902 г. и 1912 г. указывает на некоторые различия¹. Наиболее явно несоответствие проявилось в соотношении протестантов и католиков Москвы – доля первых оказалась выше по переписям, доля вторых – выше по текущему учету. Но несмотря на указанные смещения показателей текущий учет демонстрирует их относительную стабильность в мирное время, что позволяет использовать его для выявления изменений в период Первой мировой войны (таблица 1).

Таблица 1

**Конфессиональный состав Москвы в 1908–1916 гг.
по данным текущего учета, %²**

Вероисповедание	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1915 г.	1916 г.	Разница 1911–1916 гг.
Православные	89,6	90,7	91,0	91,6	87,4	80,4	-11,2
Римско-католики	3,9	3,3	2,9	2,9	6,1	8,5	5,6
Старообрядцы	2,9	2,3	2,4	2,1	2,0	6,3	4,2
Мусульмане	1,2	1,2	1,1	1,2	1,3	1,5	0,3
Протестанты	1,1	1,2	1,1	1,0	1,3	1,3	0,3
Иудеи	0,8	0,8	1,0	0,7	1,2	1,4	0,7
Армяно-григориане	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,5	0,1
Прочие	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0

В мирные 1908–1911 гг. конфессиональный состав Москвы менялся незначительно – абсолютное большинство в нем составляло православное население, доля которого медленно повышалась. В 1910-х годах стабилизировался процент католиков, постепенно снижалась доля старообрядцев, процент остальных конфессий Москвы оставался относительно стабильными. Так как массовый приток беженцев в Москву начался только с середины 1915 г. (Бахурин 2014: 171), то можно утверждать, что в 1914 г. конфессиональная структура Москвы еще не претерпела значительных изменений и была схожа с мирным 1911 годом.

В ходе войны, в 1915–1916 гг. произошли существенные изменения в конфессиональном составе населения Москвы, значительно снизилась доля православных, но повысилась остальных конфессий. Абсолютное преобладание православных в Москве сохранилось, однако их доля за два военных года снизилась до небывалых

¹ Во-первых, расхождения касались общей численности населения Москвы, которая в 1912 г. составила по переписи 1617700 чел., по данным Московского статистического комитета – 1779738 чел., то есть оказалась завышена на 10%. Во-вторых, текущий учет в мирное время занижал по сравнению с переписью долю православных на 2-3%, протестантов – в 2 раза, но завышал долю римско-католиков в 2 раза, старообрядцев – в 1,5 раза, мусульман – в 2 раза, и в то же время относительно точно отражал долю иудеев и армян (Москва Вып. 2 1906: 222–225; Москва Вып. 3 1906: 158–161; Москва 1916: 21; Ведомости 1908–1912: Д. 698).

² Ведомости 1908–1912: Д. 698; Ведомости 1915–1916: Д. 977. ЛЛ. 7 об., 72 об.

80,4% со скоростью 6% в год. Показательны темпы прироста численности представителей остальных конфессий, которые в некоторых случаях отличались от мирного времени на порядки. Наибольший рост показали старообрядцы и католики – 100% и 97% в год соответственно, за ними следовали иудеи, прибавлявшие по 50% в год, а затем протестанты, мусульмане и армяно-григориане, доля которых возрастала на 13–15% в год. К концу 1916 г. разница между православными и остальными конфессиями по сравнению с мирным временем, составила 11,2% от населения города. Таким образом, по данным ведомостей о вероисповедании, общее число вынужденных переселенцев военного времени к концу 1916 – началу 1917 гг. в Москве составляло около 227 000 человек¹. Эта цифра в 1,8 раза превышает численность зарегистрированных беженцев в Москве на 1 февраля 1917 г., что необходимо учитывать в последующем анализе данных этнического состава (Известия №19 1917: 7).

Чтобы перейти к оценке изменения этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны на основе данных о вероисповедании, необходимо представлять, насколько оба признака сопоставимы для наиболее многочисленных языковых групп, проживавших в городе в начале XX вв. Для выбранной задачи целесообразно воспользоваться результатами городской переписи 1902 г., в которой языковой состав населения Москвы находился в комплексе с вероисповеданием и был более дифференцирован, чем в переписи 1897 г. (таблица 2). В первую очередь необходимо отметить те конфессии, которые абсолютно преобладали в составе одной языковой группы: старообрядцами являлись русские по языку, иудеями – почти все евреи, мусульманами – татары, армяно-григорианцами – армяне. В то же время среди старообрядцев – 99,7% составляли русские по языку, иудеи включали 49,8% евреев по языку и 45,9% евреев с родным русским языком, исповедующие ислам являлись татарами в 92,5% случаев, армяно-григорианцами были 88,7% армян по языку и 9,5% армян с родным русским языком (Москва Вып. 2 1906: 222–225; Москва Вып. 3 1906: 158–161).

Остальные конфессии преобладали в составе нескольких языковых групп: к православным относилось абсолютное большинство русских и украинцев по языку, а также более двух третей белорусов; протестантами были большинство латышей, немцев и эстонцев; католичество исповедовали около трети белорусов, а также большинство поляков и литовцев. Одновременно православные на 99,6% состояли из русских, украинцев и белорусов по языку, у протестантов 73,1% были немцами, латышами и эстонцами по языку, а 19,1% в основном тех же этнических групп с родным русским языком. Среди католиков поляки и литовцы по языку составляли 62,9%, немцы – 7,6%, французы – 11,5% (Москва Вып. 2 1906: 222–225; Москва Вып. 3 1906: 158–161). Однако в начале XX в. доля французов в населении Москвы снижалась, составляя в 1902 г. – 0,24%, в 1912 г. – 0,18%, в 1920 г. не более 0,10% (Москва Вып. 2 1906: 222–223; Москва Вып. 3 1906: 158–161; Москва 1916: 27; Москва 1927: 16). Кроме того, во время Первой мировой войны численность французов среди беженцев и переселенцев в Москве являлась минимальной, о чем свидетельствует национальный состав зарегистрированных беженцев в начале 1917 г., где отдельная графа для французов не была предусмотрена (Известия №18 1917: 10–11).

¹ Если за общее число жителей Москвы принять 2 027 375 чел. по данным текущей статистики за 1916 год (Ведомости 1915–1916: Д. 977. Л. 72 об.).

Таблица 2

**Конфессиональный состав наиболее многочисленных языковых групп
Москвы по переписи 1902 г., %**

Вероисповедание	Великорусский	Малорусский	Белорусский	Польский	Литовский	Латышский	Немецкий	Армянский	Еврейский	Эстонский	Татарский
Православные	97,1	97,6	68,9	1,5	1,4	5,2	2,0	1,5	1,2	7,4	0,3
Протестанты	0,4	0,1	0,0	1,9	1,0	87,9	88,6	0,2	0,2	91,2	0,0
Старообрядцы	1,8	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0
Римско-католики	0,2	1,9	31,1	96,2	97,6	6,4	7,5	1,5	0,0	0,5	0,0
Иудеи	0,4	0,1	0,0	0,3	0,0	0,0	1,3	0,0	95,3	0,0	0,0
Мусульмане	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	98,5
Армяно-григореане	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	96,7	0,0	0,0	0,0
Прочие	0,1	0,2	0,0	0,0	0,0	0,4	0,6	0,0	3,3	0,6	1,2

Остальные конфессии преобладали в составе нескольких языковых групп: к православным относилось абсолютное большинство великорусов и малорусов по языку, а также более двух третей белорусов; протестантами были большинство латышей, немцев и эстонцев; католичество исповедовали около трети белорусов, а также большинство поляков и литовцев. Одновременно православные на 99,6% состояли из великорусов, малорусов и белорусов по языку, у протестантов 73,1% были немцами, латышами и эстонцами по языку, а 19,1% в основном тех же этнических групп с родным великорусским языком. Среди католиков поляки и литовцы по языку составляли 62,9%, немцы – 7,6%, французы – 11,5% (Москва Вып. 2 1906: 222–225; Москва Вып. 3 1906: 158–161). Однако в начале XX в. доля французов в населении Москвы снижалась, составляя в 1902 г. – 0,24%, в 1912 г. – 0,18%, в 1920 г. не более 0,10% (Москва Вып. 2 1906: 222–223; Москва Вып. 3 1906: 158–161; Москва 1916: 27; Москва 1927: 16). Кроме того, во время Первой мировой войны численность французов среди беженцев и переселенцев в Москве являлась минимальной, о чем свидетельствует национальный состав зарегистрированных беженцев в начале 1917 г., где отдельная графа для французов не была предусмотрена (Известия №18 1917: 10–11).

Сравнение вероисповедания с языковой принадлежностью позволяет оценить динамику этнического состава Москвы в мирное и военное время, изменявшегося во взаимосвязи с конфессиональным. За два военных года произошло совокупное снижение доли русских, белорусов и украинцев примерно на 11,2%, причем данные источников зафиксировали в 1915–1916 гг. не только относительный, но и абсолютный спад численности, составивший около 100 000 человек мужского пола (таблица 3). Необходимо учитывать, что в военное время православное население Москвы пополнялось беженцами – в большинстве своем русскими, белорусами и украинцами из западных губерний России. И если спад все же имел место, то происходил

он за счет военных мобилизаций, а также исхода традиционных мигрантов, большинство которых составляли крестьяне ближайших к Москве губерний с абсолютным преобладанием русского населения. В то же время убыль русского населения частично компенсировалась старообрядцами, темпы миграций которых в Москву особенно возросли из западных губерний в 1916 г. Таким образом, доля русских, с белорусами и украинцами в конце 1916 г. – начале 1917 г. составляла около 86,7% в населении Москвы.

Таблица 3

**Оценка этнического состава населения Москвы в 1911–1916 гг.
на основе его конфессиональной принадлежности, %¹**

Этнические группы	1911 г.	1915 г.	1916 г.
Русские, белорусы (православные), украинцы	91,6	87,4	80,4
Поляки, литовцы, белорусы (католики)	2,9	6,1	8,5
Русские (старообрядцы)	2,1	2,0	6,3
Татары	1,2	1,3	1,5
Немцы, латыши, эстонцы	1,0	1,3	1,3
Евреи	0,7	1,2	1,4
Армяне	0,4	0,6	0,5
Прочие	0,1	0,1	0,1

Имеющиеся статистические данные о численности беженцев в Москве по национальностям, объединяют под общим наименованием «русские» собственно русских, белорусов и украинцев, что затрудняет определение их численности по отдельности. По оценкам коллег, белорусы и украинцы преобладали над русскими среди беженцев в общероссийских масштабах (Курцев 2009: 331; Старовойтов 2017: 233). Однако в Москве это соотношение имело свои особенности. В составе зарегистрированных «русских» беженцев, доля которых в населении Москвы составляла не менее 1,9%, находились православные русские, белорусы и украинцы, а также белорусы-католики и русские старообрядцы. В свою очередь, одни только беженцы-старообрядцы, в том числе незарегистрированные, составляли в населении Москвы около 4% (таблица 4). Поэтому, даже если реальная численность всех «русских» беженцев в Москве была выше официальной, то стоит признать, что русские составляли среди них большинство.

Совокупная доля остальных наиболее многочисленных групп этнических меньшинств Москвы к концу 1916 г. возросла более чем в два раза (таблица 3). В то же время динамика численности отдельных этнических групп имела значительные различия. Несмотря на мощный приток в Москву беженцев и переселенцев из Прибалтики, в составе которых преобладали латыши, эстонцы и немцы, их совокупный процент повысился только на треть в 1915 г. и оставался на том же уровне в следующем 1916 г. (таблица 3). Среди протестантов Москвы происходили разнонаправленные процессы, падала численность немцев и одновременно происходил существен-

¹ Ведомости 1908–1912: Д. 698; Ведомости 1915–1916: Д. 977. ЛЛ. 7 об., 72 об.

ный рост численности латышей за счет вновь прибывавших мигрантов военного времени. Если зарегистрированные беженцы латыши в начале 1917 г. составляли в населении Москвы не менее 0,8% (таблица 4), то доля латышей, включающих всех мигрантов военного времени могла составлять уже около 1,5% (Москва 1927: 12; Шалда 2002: 64). Учитывая, что текущий учет в мирное время занижал долю протестантов города в два раза, можно предположить, что к началу 1917 г. соотношение латышей и немцев изменилось в пользу первых.

Таблица 4

**Этнический состав зарегистрированных беженцев
относительно всего населения Москвы на 1 февраля 1917 г. ¹**

Этнические группы	% ²
Поляки	3,0
Русские, белорусы, украинцы	1,9
Латыши	0,8
Литовцы	0,4
Евреи	0,2
Немцы	0,02
Эстонцы	0,01
Армяне	0,002
Татары	нет данных
Прочие	0,2

Совокупная доля остальных наиболее многочисленных групп этнических меньшинств Москвы к концу 1916 г. возросла более чем в два раза (таблица 3). В то же время динамика численности отдельных этнических групп имела значительные различия. Несмотря на мощный приток в Москву беженцев и переселенцев из Прибалтики, в составе которых преобладали латыши, эстонцы и немцы, их совокупный процент повысился только на треть в 1915 г. и оставался на том же уровне в следующем 1916 г. (таблица 3). Среди протестантов Москвы происходили разнонаправленные процессы, падала численность немцев и одновременно происходил существенный рост численности латышей за счет вновь прибывавших мигрантов военного времени. Если зарегистрированные беженцы латыши в начале 1917 г. составляли в населении Москвы не менее 0,8% (таблица 4), то доля латышей, включающих всех мигрантов военного времени могла составлять уже около 1,5% (Москва 1927: 12; Шалда 2002: 64). Учитывая, что текущий учет в мирное время занижал долю протестантов города в два раза, можно предположить, что к началу 1917 г. соотношение латышей и немцев изменилось в пользу первых.

К началу 1917 г. в населении Москвы наиболее крупной конфессиональной группой после православных являлись католики, большинство которых составляли поля-

¹ Известия №18 1917: 10–11; Известия №19 1917: 7; Москва 1927: 12

² Доля беженцев по этническим группам рассчитана для Москвы пропорционально их доле в Московской губернии на 1 февраля 1917 г. Из 152 498 беженцев Московской губернии, в Москве находилась их большая часть – 128 261 человек.

ки, литовцы и белорусы-католики. Их совокупная доля увеличилась по сравнению с мирным временем почти в три раза (таблица 3), а максимальный прирост пришелся на 1915 г., после оставления русской армией губерний Царства Польского (*Лихачева* 2007: 123–124). В следующем 1916 г. приток поляков, литовцев и белорусов был также значительным, но менее интенсивным. Что касается соотношения трех этнических групп, то в конце XIX – начале XX вв. доля литовцев и белорусов по языку в Москве была сопоставима, а поляки превосходили и тех и других на порядок¹. Та же тенденция имело место среди зарегистрированных беженцев Москвы уже во время войны, где поляки занимали первое место по численности, составляя не менее 3% в населении города, тогда как литовцы только 0,4% (*Известия №18 1917: 10–11; Известия №19 1917: 7; Москва 1927: 12*). Преобладание поляков над литовцами и белорусами также наглядно демонстрируют данные этнического состава населения Москвы по переписи 1920 г., где доля поляков составляла 1,42%, литовцев – 0,39%, белорусов – 0,32% (*Москва 1927: 16*). Таким образом, статистика мирного и военного времени указывает на значительное преобладание среди католиков Москвы польского населения в начале 1917 г. Численность литовцев и белорусов-католиков была в Москве сопоставима, но на порядок ниже, чем у поляков.

Конфессиональная принадлежность евреев, татар и армян точнее отражает их долю в населении Москвы, возросшую по-разному к началу 1917 г. Обозначенные три этнические группы имели разные регионы выхода. Незначительный приток армянских мигрантов из Закавказья почти не отразился в списках беженцев, где зарегистрировано только 45 армян и 44 человека с Кавказа, из Турции и Персии. Рост армянского населения Москвы на треть в 1915 г. происходил на фоне военных действий на Кавказском фронте и бегства армян из Турции и Персии на территорию Российской империи в 1914–1915 гг. (*Курцев* 1999: 136–137, 139). В 1916 г. доля армян Москвы снизилась, что совпало с успехами русских войск на Кавказском фронте (*Известия №18 1917: 10–11*). Совсем не отражены в составе беженцев Москвы татары, абсолютное большинство которых проживало в тыловых губерниях Поволжья, их доля возросла в населении города только в 1,25 раза. Большинство евреев прибывало в Москву из западных губерний России, что также подтверждается наличием не менее 0,2% беженцев в населении Москвы зарегистрированных на дату 1 февраля 1917 г. (таблица 4). И если за два военных года доля евреев в населении города выросла с 0,7% до 1,4%, то в связи с оставлением целого ряда западных территорий русской армией в 1917 г., поток евреев в Москву возрос и к лету того же года эта цифра выросла более чем в два раза, составив не менее 3,4% (*Газета: 18*).

Итак, после начала Первой мировой войны традиционное формирование этнического состава Москвы в конце XIX – начале XX вв. сменилось его резкой трансформацией под напором вынужденных миграций, когда темпы прироста наиболее многочисленных групп этнических меньшинств выросли на несколько порядков. Согласно общероссийской статистике, в сравнении с расселением у себя на родине нерусские беженцы после миграции во внутренние губернии империи в 2,4 раза чаще селились в городах (*Курцев* 2009: 331). В условиях неопределенности и кру-

¹ В 1897 г. поляков по языку 0,9%, литовцев – 0,042%, белорусов – 0,097%; в 1902 г. поляков – 0,9%, литовцев – 0,053%, белорусов – 0,011%; в 1912 г. поляков – 1,1%, литовцев – 0,082%, белорусов – нет данных. Рассчитано автором. (Всеобщая перепись 1904: 62–65; Москва Вып. 2 1906: 222–225; Москва Вып. 3 1906: 158–161).

шения привычного жизненного уклада, в отрыве от родных мест, второй столичный город страны Москва тем более представлялся беженцам центром порядка и государственной власти. Кроме того, крупный город способствовал реализации потребностей в этнокультурной сфере, а также материальной поддержке эвакуированного населения. Опасения потери национального единства в будущем, стимулировали мобилизацию этничности в беженской среде (Гатрелл 2001: 65–67; Лор 2012: 184, 191–194). Являясь местом временного пребывания, тыловой город позволял переселенцам совмещать земляческий и узкоэтнический принципы общения (Курцев 2009: 334–335; Дмитриенко 2016: 87–88).

Если в 1908–1911 гг. доля наиболее многочисленных групп этнических меньшинств составляла в населении Москвы примерно 6–7%, то за два военных года она возросла до 13,2%, то есть почти два раза. В то же время призыв в армию и ухудшение экономической ситуации влияли на снижение численности православного населения Москвы, даже несмотря на приток русских, белорусов и украинцев из западных губерний России. Только в 1916 г. снижение русского православного населения Москвы составило около 100 000 человек или 7%, а за два военных года не менее 11,2%. Это снижение частично восполнялось русскими старообрядцами, приток которых из западных губерний особенно возрос в 1916 г. С учетом значительной численности старообрядцев в составе русских беженцев, они преобладали в Москве над белорусами и украинцами.

Наряду с русским населением происходил отток немцев – второй по численности этнической группы Москвы до войны. Их численность особенно резко снизилась в 1915 г., в результате административных действий по удалению из столицы проживавших там многочисленных подданных Германии, а также вследствие напряженной общественной атмосферы после неудач на фронте (Деннингхауз 2004: 375–381). Спад численности немецкого населения Москвы также согласуется с их малой численностью среди зарегистрированных беженцев в начале 1917 года. В то же время миграции немцев в Москву во время Первой мировой войны имели место и происходили по большей части из прибалтийских губерний, что связано с возросшим давлением на них со стороны местного латышского и эстонского населения (Григорян 2019: 26).

Снижение численности протестантов в населении Москвы компенсировали выходцы из Остзейских губерний – эстонцы и особенно латыши, которые в начале 1917 г. по численности уже превосходили немцев, составляя в населении города около 1,5%. Самой многочисленной группой этнического меньшинства Москвы за два военных года стали поляки, доля которых к началу 1917 г. повысилась в населении города почти в три раза.

Наибольший прирост поляков пришелся на 1915 г., происходивший в период отступления русских войск из западных губерний с преобладанием польского населения. Кроме естественного желания не попасть под оккупацию, массовость миграций польского населения была вызвана в том числе политикой принудительного перемещения мирного населения вглубь страны отступавшими войсками на первом этапе войны (Лихачева 2007: 121). Судя по довоенным тенденциям, а также учитывая соотношение зарегистрированных польских и литовских беженцев в начале 1917 г., поляки в тот период абсолютно преобладали как среди католиков Москвы, так и над литовцами и белорусами в целом. Высокая доля поляков в Москве подтверждается и

общероссийскими данными, согласно которым они составляли вторую по численности этническую группу беженцев после русских (Известия №18 1917: 9).

Благодаря конфессиональной однородности, точнее прослеживается динамика численности татар, армян и евреев, доля которых за 1915–1916 гг. также возросла. Несмотря на отсутствие в данных о беженцах упоминания о татарах, территория расселения которых располагалась на востоке страны в глубоком тылу, их доля в населении Москвы за 1915–1916 гг. повысилась в 1,25 раза. Доля армянского населения Москвы к концу 1915 г. возросла по сравнению с мирным временем также примерно на четверть, что совпало с максимальным увеличением потока беженцев-армян из Турции и Персии вглубь России. В следующем году, с наступлением русских войск на Кавказском фронте, численность армян в Москве снизилась.

Беженцы-евреи прибывали в Москву из западных губерний России после фактической отмены «черты оседлости» в связи с началом войны, их доля в 1915–1916 гг. выросла в 2 раза. После февральской революции и демократизации законодательства, а также в связи с неудачами на фронте, вызвавшими последующие волны беженцев, численность евреев летом 1917 г. составила 3,4% от населения Москвы, то есть всего за полгода выросла почти в два с половиной раза. Оседанию евреев в городах способствовало распоряжение правительства от 19 августа 1915 г., согласно которому при переезде в тыл сельская местность оставалась для них закрытой (Курцев 2009: 331). Кроме того, дополнительным фактором для миграции евреев были юдофобские настроения в отступающих войсках и у части местного населения западных губерний, которые провоцировали погромы, тем самым оказывая давление на еврейское население в местах их проживания (Булдаков 2010: 98, 103; Гольдин 2018: 172, 186–187).

Таким образом, к началу 1917 г. этнический состав населения Москвы претерпел значительные изменения, когда после начала Первой мировой войны темпы роста миграций возросли на порядки. Основную массу беженцев составили выходцы из западных губерний, на прибытие которых в Москву оказывала влияние ситуация на фронтах. В период 1915–1916 гг. общая доля этнических меньшинств в населении Москвы возросла примерно в 2 раза, а значит половину в их числе составляли новые мигранты. Рост миграций этнических меньшинств в Москву после начала войны не всегда зависел от их численности в мирное время и в некоторых случаях происходил непропорционально, порождая частичное замещение, так как наряду с притоком одних, наблюдался отток других. К началу 1917 г. преобладающими этническими группами после русских в Москве стали поляки, латыши, а также евреи, приток которых продолжался и в 1917 году. Приток вынужденных переселенцев происходил и в начале 1917 г., когда сокращение численности населения Москвы приняло явные формы.

После февраля 1917 г. ослабление государственной власти наряду с ухудшением продовольственной ситуации в городе, негативно отразилось на положении мигрантов военного времени (Белова 2014: 121; Бахурин 2014: 173). Это вызвало стихийный отъезд беженцев из Москвы в западные районы страны, происходивший по крайней мере уже с лета 1917 г. и продолжившийся после заключения Брестского мира весной 1918 г. (Бахурин 2014: 190; Курцев 1999: 144). При этом общая численность населения города росла до начала 1917 г., но последовавшие революция и продовольственный кризис вызвали его спад: с февраля 1917 по август 1920 г. половина жителей покинула Москву (Ежегодник 1922: 332). Вместе с тем происходило

вовлечение части мигрантов в общественно-политические процессы в Центральной России. В частности, существенную роль в октябрьских событиях 1917 г. в Петрограде и Москве играли латышские рабочие эвакуированных предприятий (*Шалда* 2002: 68, 71). В этом смысле в перспективе представляется актуальным изучение вопроса о степени влияния трансформированного этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны на события 1917 г.

Источники и материалы

- Ведомости 1908–1912 – Ведомости о числе жителей по вероисповеданиям в г. Москве и Московской губернии за 1908–1912 гг. ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 698.
- Ведомости 1915–1916 – Ведомости о числе жителей г. Москвы по вероисповеданиям за 1915–1916 гг. ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 977.
- Всеобщая перепись 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. XXXVIII, 275 с.
- Газета – Еврейская неделя. 1917. № 30.
- Ежегодник 1922 – Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Труды Центрального статистического управления. Т. VIII. Вып. 2. XXXL. Население и хозяйство г. Москвы. М., 1922. XXVIII, 377 с.
- Известия № 1 1916 – Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Таианы Николаевны. 1916. № 1.
- Известия № 17 1917 – Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Таианы Николаевны. 1917. № 17.
- Известия № 18 1917 – Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Таианы Николаевны. 1917. № 18.
- Известия № 19 1917 – Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Таианы Николаевны. 1917. № 19.
- Известия № 4 1916 – Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Таианы Николаевны. 1916. № 4.
- Москва 1916 – Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. 316 с.
- Москва 1927 – Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. XIV, 279 с.
- Москва Вып. 2 1906 – Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. VII, 227 с.
- Москва Вып. 3 1906 – Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. 247 с.

Научная литература

- Бартеле Т.М., Шалда В.А.* Латыши в Москве. Вторая половина XIX века – 1917 год // Отечественная история, 2002. № 4. С. 50–63.
- Бахурин Ю. А.* Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии (1914–1917 гг.) // Великая война: сто лет / под. ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 170–190.
- Бахурин Ю.А.* Принудительные миграции еврейского населения России в годы Первой мировой войны: причины и последствия // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований, 2011. № 1 (3). С. 50–55.
- Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 461 с.
- Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096 с.
- Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. 272 с.

- Выдрo М.Я.* Население Москвы: (По материалам переписей населения 1871–1970 гг.). М.: Статистика, 1976. С. 54 с.
- Гаврилова И.Н.* Население Москвы: исторический ракурс. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. 478 с.
- Гатрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки / отв. ред. Б.В. Ананьич. Т. 4 (122). М.: Наука, 2001. С. 46–72.
- Гольдин С.* Русская армия и евреи. 1914–1917. М.: Мосты культуры, 2018. 448 с.
- Гран М.М.* Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. / под. ред. М.М. Гран, П.И. Куркин, П.А. Кувшинникова. Вып. 1. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 7–46.
- Григорян Г.Ш.* Влияние этнических процессов на региональный состав мигрантов Москвы после начала Первой мировой войны // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 19–32. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-18-1-19-32.
- Деннингхауз В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 504 с.
- Дзарасова И.В.* История воспроизводства населения столицы // О населении Москвы / гл. ред. Д.И. Валентей. Вып. 30. М.: Статистика, 1980. С. 23–38.
- Дмитриенко А.А.* Почему прибалтийские беженцы предпочитали жить в Петербурге и близлежащих городах в период Первой мировой войны? // Преподавание истории в школе, 2016. № 5. С. 87–88.
- Кабузан В.М.* О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории / отв. ред. В.И. Буганов. Вып. 1981 г. М.: Наука, 1982. С. 110–117.
- Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX – начало XXI века). №194. Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2007. 32 с.
- Курицев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума / отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129–146.
- Курицев А.Н.* Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург, 14–17 июня 2004 года / отв. ред. Т.А. Абросимова, Б.И. Колоницкий. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2009. С. 323–335.
- Курицев А.Н.* Количество беженцев в российских регионах на 1916–1917 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сборник научных трудов IV Международной научной конференции, г. Белгород, 8 декабря 2006 г. / отв. ред. И.Т. Шатохин. Т. 2. Белгород: Издательство БелГУ, 2007. С. 127–135.
- Лихачева Т.Н.* Беженцы-поляки из Царства Польского на территории Российской империи в годы Первой мировой войны: причины появления // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сборник научных трудов IV Международной научной конференции, г. Белгород, 8 декабря 2006 г. / отв. ред. И.Т. Шатохин. Т. 2. Белгород: Издательство БелГУ, 2007. С. 119–127.
- Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
- Морозов С.Д.* Миграции населения России в годы Первой мировой войны // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность. Сборник статей XII Международной научно-практической конференции, октябрь 2014 г. Пенза / под ред. С.Д. Морозова, В.Б. Жиромской. Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С. 11–19.
- Писарькова Л.Ф.* Московская городская Дума в годы Первой мировой войны // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг. Материалы научно-практической конференции. Москва, 25 апреля 2019 года / под ред. С.В. Орлова. М.: Московская городская Дума, 2019. С. 56–69.

- Солопова О.В. Белорусы Москвы: Очерки этносоциальной истории XVII – начала XXI веков. Дисс. канд. ист. наук. М., 2005. 209 с.
- Старовойтов М.И. Белорусские беженцы в российских городах и губерниях в 1915–1918 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.). Сборник материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 года / ред. В.А. Веремченко, С.В. Степанов. СПб: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С. 232–238.
- Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. Дисс. канд. ист. наук. СПб, 2003. 183 с.
- Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924) / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 60–87.

Grigoryan, Genrih SH.

Changes in the Ethnic Structure of the Moscow Population During the First World War

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/304-319

During the First World War, there were massive migrations of refugees from the front-line areas deep into Russia, which significantly affected the ethnic structure of the Moscow population. In the city, the share of ethnic groups that predominated in the empire's western provinces increased sharply compared with the pre-war period. However, the lack of information in the published statistics makes it difficult for researchers to analyze how wartime migrants influenced the share of numerous ethnic groups in Moscow as Russians, Jews, Germans, Poles, Lithuanians, Latvians, Estonians, Belarusians, Ukrainians, Tatars, and Armenians. The author analyzed statements of the Moscow residents by religion for 1908–1916, which allowed him to partially fill this knowledge gap and assess the dynamics of the ethnic structure of the city. The proposed method of equating confession with ethnicity does not give an exact match. However, along with additional sources, it allows us to identify trends in the ethnic structure of the city and analyze the factors that influenced the size of certain ethnic minorities.

Keywords: ethnic structure; Moscow; First World War; refugees; migrations

For citation: Grigoryan, G.Sh. 2021. Changes in the Ethnic Structure of the Moscow Population During the First World War. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 304–319.

Author Info: Grigoryan, Genrih SH. – PhD student, St Petersburg State University (7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg 199034). E-mail: genrih.1@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7287-3244>

References

- Bakhrin, Yu. A. 2014. Vynuzhdennye pereselentsy iz zapadnykh okrain Rossiiskoi imperii v Moskve i Moskovskoi gubernii (1914–1917 gg.) [Forced migrants from the western outskirts of the Russian Empire in Moscow and the Moscow province (1914–1917)]. *Velikaia voina: sto let*, edited by M.Yu. Miagkova and K.A. Pakhaliuka, 170–190. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Bakhrin, Yu.A. 2011. Prinuditel'nye migratsii evreiskogo naseleniia Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: prichiny i posledstviia [Forced migrations of the Jewish population of Russia during the First World War: causes and consequences]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniï* 1 (3): 50–55.
- Bartele, T.M. and V.A. Shalda 2002. Lатыши в Москве. Вторая половина XIX века – 1917 год [Latvians in Moscow. Second half of the 19th century – 1917]. *Otechestvennaia istoriia* 4: 50–63.

- Belova, I.B. 2014. *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Rossii 1914–1925 gg.* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925]. Moscow: AIRO-XXI.
- Buldakov, V.P. 2010. *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.: usloviia vozniknoveniia, khronika, kommentarii, analiz* [Chaos and ethnos. Ethnic conflicts in Russia, 1917–1918: conditions of origin, chronicle, commentary, analysis]. Moscow: Novyi khronograf.
- Denningkhauz, V. 2004. *Nemtsy v obshchestvennoi zhizni Moskvy: simbioz i konflikt (1494–1941)* [Germans in Moscow's public life: symbiosis and conflict]. Moscow: ROSSPEN.
- Dmitrienko, A.A. 2016. Pochemu pribaltiiskie bezhentsy predpochitali zhit' v Peterburge i blizlezhashchikh gorodakh v period Pervoi mirovoi voiny? [Why did the Baltic refugees prefer to live in St. Petersburg and nearby cities during the First World War?]. *Prepodavanie istorii v shkole* 5: 87–88.
- Dzarasova, I.V. 1980. Istoriiia vosproizvodstva naseleniia stolitsy [The history of population reproduction in the capital]. *O naselenii Moskvy*, edited by D.I. Valentei 30, 23–38. Moscow: Statistika.
- Gatrell, P. 2001. Bezhentsy v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Refugees in Russia during the First World War]. *Istoricheskie zapiski*, edited by B.V. Anan'ich 4 (122): 46–72. Moscow: Nauka.
- Gavrilova, I.N. 2001. *Naselenie Moskvy: istoricheskii rakurs* [The population of Moscow: a historical perspective]. Moscow: Izdatel'stvo ob"edineniia "Mosgorarkhiv".
- Gol'din, S. 2018. *Russkaia armiiia i evrei* [Russian army and Jews] 1914–1917. Moscow: Mosty kul'tury.
- Gran, M.M. 1923. Opyt izucheniia sanitarnykh posledstviu voiny 1914–1917 gg. v Rossii [The experience of studying the sanitary consequences of the war of 1914–1917 in Russia]. *Trudy Komissii po obsledovaniiu sanitarnykh posledstviu voiny 1914–1920 gg.*, edited by M.M. Gran, P.I. Kurkin and P.A. Kuvshinnikova 1, 7–46. Moscow–Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Grigorian, G.Sh. 2019. Vliianie etnicheskikh protsessov na regional'nyi sostav migrantov Moskvy posle nachala Pervoi mirovoi voiny [The influence of ethnic processes on the regional structure of migrants in Moscow after the outbreak of the First World War]. *Istoriiia: fakty i simvoly* 1 (18): 19–32. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-18-1-19-32.
- Kabuzan, V.M. 1982. O dostovernosti ucheta naseleniia Rossii (1858–1917 gg.) [On the reliability of accounting for the population of Russia (1858–1917)]. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii*, edited by V.I. Buganov, 110–117. Moscow: Nauka.
- Kozlov, S.Ya. 2007. *Moskovskie evrei: realii etnokul'turnogo vozrozhdeniia (konets XX – nachalo XXI veka)* [Moscow Jews: the realities of ethnocultural revival (late XX – early XXI centuries)]. Moscow: IEA RAN.
- Kurtsev, A.N. 1999. Bezhenstvo [Refugeeism]. *Rossiiia i Pervaia mirovaia voina. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*, edited by N.N. Smirnov, 129–146. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Kurtsev, A.N. 2007. Kolichestvo bezhentsev v rossiiskikh regionakh na 1916–1917 gg. [The number of refugees in Russian regions in 1916–1917]. *Yug Rossii v proshlom i nastoiashchem: istoriia, ekonomika, kul'tura. Sbornik nauchnykh trudov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, gorod Belgorod, 8 dekabria 2006 goda*, edited by I.T. Shatokhin 2, 127–135. Belgorod: Izdatel'stvo BelGU.
- Kurtsev, A.N. 2009. Voennye bezhentsy v gorodakh Rossii (1914 – 1917 gg.) [Wartime refugees in Russian cities (1914 – 1917)]. *Kul'tury gorodov Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vekov. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma, Sankt-Peterburg, 14–17 iunია 2004 goda*, edited by T.A. Abrosimova and B.I. Kolonitskii, 323–335. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Evropeiskii dom".

- Likhacheva, T.N. 2007. Bezhtentsy-poliaki iz Tsarstva Pol'skogo na territorii Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny: prichiny poiavleniia [Polish refugees from the Kingdom of Poland on the territory of the Russian Empire during the First World War: reasons for their appearance]. *Yug Rossii v proshlom i nastoiashchem: istoriia, ekonomika, kul'tura. Sbornik nauchnykh trudov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, gorod Belgorod, 8 dekabria 2006 goda*, edited by I.T. Shatokhin 2: 119–127. Belgorod: Izdatel'stvo BelGU.
- Lor, E. 2012. *Russkii natsionalizm i Rossiiskaia imperiia: Kampaniia protiv "vrazheskikh poddannnykh" v gody Pervoi mirovoi voiny* [Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign Against "Enemy Subjects" during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Morozov, S.D. 2014. Migratsii naseleniia Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Migration of the population of Russia during the First World War]. *Problemy demografii, meditsiny i zdorov'ia naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost'. Sbornik statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, oktiabr' 2014 goda Penza*, edited by S.D. Morozova and V.B. Zhiromskoi, 11–19. Penza: RIO PGSKhA.
- Pisar'kova, L.F. 2019. Moskovskaia gorodskaia Duma v gody Pervoi mirovoi voiny [Moscow City Duma during the First World War]. *Ot Moskovskoi gorodskoi Dumy k Mossovetu. 1917–1993 gody. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 25 apreliia 2019 goda*, edited by S.V. Orlova, 56–69. Moscow: Moskovskaia gorodskaia Duma.
- Shalda, V. 2002. Latyshskie bezhtentsy v Rossii revoliutsiia. 1915–1921 gg. [Latvian refugees in Russia and the revolution. 1915–1921]. *Rossiia i Baltiia: epokha peremen (1914–1924)*, edited by A.O. Chubar'ian, 60–87. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN.
- Solopova, O.V. 2005. *Belorusy Moskvu: Ocherki etnosotsial'noi istorii XVII – nachala XXI vekov* [Belarusians of Moscow: Essays on the Ethnosocial History of the 17th - early 21st centuries]. PhD diss., Moscow State University.
- Starovoitov, M.I. 2017. Belorusskie bezhtentsy v rossiiskikh gorodakh i guberniakh v 1915–1918 gg. [Belarusian refugees in Russian cities and provinces in 1915–1918]. *Ekstremal'noe v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: regional'nyi aspekt (k 100-letiiu Russkoi revoliutsii 1917 goda). Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 16–18 marta 2017 goda*, edited by V.A. Veremenko and S.V. Stepanov, 232–238. SPb: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo.
- Utgof, V.S. 2003. *Belorusskie bezhtentsy Pervoi mirovoi voiny v 1914–1922 gg.* [Belarusian refugees of the First World War in 1914–1922]. PhD diss., St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
- Volkov, E.Z. 1930. *Dinamika narodonaseleniia SSSR za vosem'desiat let* [Population dynamics of the USSR for eighty years]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Vydro, M.Ya. 1976. *Naselenie Moskvu: (Po materialam perepisei naseleniia 1871–1970 gg.)* [Population of Moscow: (Based on the population censuses of 1871–1970)]. Moscow: Statistika.